

ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ПРАВА И СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2020

Е.В. Чуклова, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: юридическая ответственность; гражданско-правовая ответственность; координационные связи; генетические связи; субординационные связи; уголовная ответственность; система права.

Аннотация: Споры по поводу определения правовой природы гражданско-правовой ответственности, ее места в системе права и в системе юридической ответственности ведутся в отечественном праве давно, но от этого не становятся менее острыми. На сегодняшний день превалирующей позицией относительно места гражданско-правовой ответственности в системе права является отнесение указанного института к частноправовым.

В работе исследуется соотношение норм института гражданско-правовой ответственности с нормами уголовного права, направленными на охрану гражданско-правовых отношений, показано их взаимодействие с классической гражданско-правовой ответственностью. Раскрыты координационные, субординационные и генетические связи института гражданско-правовой ответственности с иными элементами системы права. В основе определения генетических связей лежит процесс формирования и обособления отраслей права. Исследуется пространственная упорядоченность, характерная для координационных связей, отмечается наличие связей субординации. В рамках исследования доказано, что институт гражданско-правовой ответственности нельзя однозначно отнести к институтам частного права. Анализ судебной практики также показал невозможность отнесения института гражданско-правовой ответственности к частноправовым институтам. В результате исследования были сделаны выводы о том, что институт гражданско-правовой ответственности имеет сложные координационные связи с иными отраслями права, выражающиеся в использовании общих терминов, понятий, категорий. Связи субординации проявляются в наличии иерархии как между мерами гражданско-правовой ответственности внутри одного нормативного правового акта, так и между мерами ответственности, закрепленными в нормах других институтов ответственности. Генетические связи раскрывают общее происхождение структурных образований, входящих в институт гражданско-правовой ответственности.

ВВЕДЕНИЕ

Все разработанные юридической наукой концепции юридической ответственности находят отражение в попытках дать определение гражданско-правовой ответственности. Ее называют одной из форм государственного принуждения, суть которой заключается во взыскании судом с правонарушителя в пользу потерпевшего имущественных санкций [1], рассматривают в качестве особой обязанности, выражающейся в неблагоприятных отрицательных последствиях для правонарушителя в виде сужения его имущественной сферы [2], определяют в качестве охранительной обязанности [3].

В отечественной юридической науке встречаются работы, в рамках которых предпринимаются попытки исследовать гражданско-правовую ответственность изнутри, например, выделить в отдельный институт гражданско-правовую ответственность органов публичной власти и их должностных лиц [4] либо рассмотреть отношения, связанные с гражданско-правовой ответственностью в рамках защиты конкуренции [5].

Правовой институт является составляющей системы права, его нормы упорядочивают узкую группу типичных общественных отношений. Институт юридической ответственности является комплексным по содержанию, своеобразным по структуре, охранительным по назначению, функциональным институтом, регулирующим деликтные отношения методом наказания [6].

Ранее мы писали о том, что институт юридической ответственности в системе права занимает не последнее место [7]. Основная задача этого института – служить для всей системы права защитным механизмом [8]. Мы

определяли институт юридической ответственности как «сложный, межотраслевой, функциональный, регулятивно-охранительный институт права, закрепляющий и (или) оказывающий динамическое воздействие на наиболее важные общественные отношения, а в случае их нарушения регулирующий отношения ответственности, возникающие из юридического факта правонарушения» [9, с. 43]. Было доказано, что институт юридической ответственности является частью системы права, и факторы, обуславливающие близость рассматриваемых категорий, проявляются в следующем: во-первых, в единстве элементов системы права и системы юридической ответственности, во-вторых, в единстве источников возникновения и закрепления, в-третьих, в единстве целей и задач, в-четвертых, в полиструктурности системы права и института юридической ответственности. Считаем возможным использование указанных выводов и определения в рамках настоящего исследования.

Цель работы – определение правовой природы института гражданско-правовой ответственности, исследование соотношения норм гражданско-правовой ответственности с иными нормами, институтами, отраслями и общностями.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ**Место института гражданско-правовой ответственности в системе права**

В рамках деления права на публичное и частное первое, что приходит на ум, что институт гражданско-

правовой ответственности – это институт частного права. Такая позиция в основном основана на «автономном режиме функционирования гражданско-правовой ответственности в составе гражданского правоотношения без учета правоприменительной практики использования в комплексных общественных отношениях, регулируемых различными отраслями законодательства, в том числе нормами публичного права» [10, с. 35]. Поэтому согласимся с позицией, согласно которой все виды гражданско-правовой ответственности содержат как частноправовые, так и публично-правовые элементы [10]. Как правило, отдельные авторы относят к публично-правовым институтам некоторые виды гражданско-правовой ответственности, например ответственность за вред, причиненный актами органов государственной власти [11]. Другие, наоборот, находят признаки частноправового института на основе таких критериев, как субъект, объект (интерес) и содержание правоотношения, метод правового регулирования [12] и функции. Не отрицая деления системы права на публичное и частное, не находим возможным считать гражданско-правовую ответственность исключительно частноправовой по следующим обстоятельствам.

Если взять за основу функциональный критерий, то, наряду с традиционно выделяемой восстановительной функцией гражданско-правовой ответственности, проявляются ее карательная, регулятивная и превентивная функции. Так, по мнению, высказанному в юридической литературе, элементы кары проявляются в самом осуждении гражданско-правового нарушителя [13].

Использование субъекта правоотношения в качестве критерия отнесения гражданско-правовой ответственности к институтам частного права, на наш взгляд, не представляется возможным, даже если принимать во внимание теорию функционального иммунитета, основанную на том, что в условиях гражданского оборота государство выступает в качестве частного субъекта. Взять, например, систему закупок товаров, работ, услуг для государственных нужд, где четко регламентированы размеры штрафов и пени за нарушение стоимостных и нестоимостных обязательств как со стороны государственного заказчика, так и со стороны поставщика, подрядчика, исполнителя. Конкретный размер штрафа зависит не от добровольного волеизъявления сторон, а от цены контракта, определение которой также проводится по установленным законодателем, а не сторонами правилам. Зачастую стороны гражданского правоотношения, не имеющего отношения к государству, также не свободны в формулировании мер гражданско-правовой ответственности, например в случаях установления законной неустойки. Даже тот аргумент, что государство, возмещая вред, причиненный актом государственного органа, находится с гражданином не в отношениях власти-подчинения, а возмещает вред, причиненный лицом, за действие которого оно отвечает, на наш взгляд, не выдерживает критики, поскольку это лицо и государство связывают трудовые или служебные отношения, которые, как известно, частноправовыми не являются. На наш взгляд, государство, безусловно, может стать субъектом гражданского правоотношения, но утверждать его равенство с другими участниками также не приходится. Например, в отношениях, не связанных с нарушением публичного порядка,

суд может обязать сторону, согласившуюся с условиями сделки, ее исполнить, а при нарушении публичного порядка заявление о недействительности сделки не имеет правового значения в любом случае, даже если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно¹. Нарушается один из базовых принципов гражданского права – принцип равенства участников гражданских правоотношений (ст. 1 ГК РФ).

Если взять за основу объект правоотношения, а также утверждение, что публичное право регулирует отношения с участием государства, а в сфере частного права господствуют личные интересы [14], то здесь можно согласиться, что гражданско-правовая ответственность является ответственностью одного участника правоотношения перед другим – нарушителя перед потерпевшим, и, как правило, санкции взыскиваются в пользу потерпевшей стороны, но это не универсальный критерий. Во-первых, в качестве потерпевшего может выступать государственный орган, государственная корпорация, государство; во-вторых, есть предусмотренные гражданским законодательством исключения, когда санкции взыскиваются в доход государства, например ст. 169 ГК РФ в качестве ответственности за нарушение публичных интересов.

Трудно признать верным и использование в качестве классификационного основания содержание правоотношения (критерий интереса) по следующим причинам.

Во-первых, частный интерес может остаться неудовлетворенным в угоду публичным интересам. Интересной с этой точки зрения является практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ): заявители обратились в суд с исками против Президента о клевете, добиваясь его отказа от оспоренных ими высказываний и выплаты им компенсации за вред. Однако их исковые требования были отклонены на тех основаниях, что Президент пользуется иммунитетом от судебного преследования и что его нельзя привлечь к ответственности за мнения, высказанные им при исполнении своих полномочий. Как указал суд, согласно внутриведомственному законодательству, недопустимость дела о клевете, возбуждаемого в отношении Президента, является исключением из общего правила о гражданско-правовой ответственности за клеветнические или оскорбительные высказывания, ограниченными случаями, в которых Президент действовал во исполнение своих функций. Хотя главы государств наделены функциональным иммунитетом от судебного преследования, чтобы защитить их свободу слова при исполнении ими своих функций и поддержать принцип разделения властей, такой иммунитет от судебного преследования должен быть регламентирован и истолкован четким и ограничительным образом².

Во-вторых, удовлетворение частного интереса возможно только в судебном порядке. Например, ст. 152 ГК РФ допускает опровержение сведений только

¹ Постановление арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.02.2018 № Ф08-11417/2017 по делу № А22-1209/2017.

² Постановление ЕСПЧ от 02.12.2014 по делу «Урекян и Павличенко (Urechean and Pavlicenco) против Республики Молдова» (жалобы № 27756/05 и 41219).

по суду, а основанием разграничения гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности за клевету является лишь наличие умысла.

Еще одним доводом в пользу отнесения гражданско-правовой ответственности к институту частного права является метод правового регулирования, который в гражданском праве носит диспозитивный характер. Основные аргументы сводятся к следующему: реализация гражданских прав осуществляется посредством волевых действий лица, направленных на удовлетворение частных интересов [15]. С такими аргументами сегодня согласиться сложно, поскольку, во-первых, не всегда кредитор осуществляет свои гражданские права добровольно, например в рамках проведения государственных закупок и меры ответственности, и их реализация не зависят от сторон. Проанализировав практику счетно-контрольных органов, можно сделать вывод, что отсутствие предъявления заказчиком штрафных санкций является нарушением. Например, в Представлении Счетной палаты РФ в качестве нарушения и недостатка указано непредъявление штрафных санкций за нарушения сроков выполнения работ исполнителями³. Во-вторых, не может быть речи о диспозитивном методе, если у лица возникли обязательства при неисполнении договора [13].

Стоит отметить, что нормы, лежащие в основе института гражданско-правовой ответственности, помимо ГК, закреплены и в других законодательных источниках иной отраслевой принадлежности. Например, нормами Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд», а также нормами, например, Постановления Правительства РФ № 1042 от 30 августа 2017 года предусмотрено обязательное включение в государственные и муниципальные контракты штрафов и пеней за неисполнение, ненадлежащее исполнение или просрочку исполнения обязательств. Несмотря на то, что данные меры закреплены в акте иной отраслевой принадлежности, они являются гражданско-правовыми по юридической природе. В основании их применения лежит гражданско-правовой деликт, но применяться они должны в императивном порядке. Так, Казначейство РФ регулярно публикует информацию по результатам контрольных мероприятий, в которой инкриминирует заказчикам в качестве нарушений: неначисление и невыставление пени в адрес поставщиков (исполнителей) за несоблюдение ими сроков исполнения обязательств по контрактам; занижение сумм пени, выставляемых поставщикам (подрядчикам) за нарушение ими сроков исполнения обязательств по контрактам; неначисление и невзыскание с поставщиков штрафов за ненадлежащее исполнение ими обязательств, предусмотренных контрактами.

Таким образом, считаем возможным отнести институт гражданско-правовой ответственности к комплексным образованиям в системе права. В некоторых случаях публично-правовые элементы присутствуют не только на стадии возникновения деликтной гражданско-правовой ответственности, но и в случае возникновения договорной гражданско-правовой ответственно-

сти, тем более что в основе возникновения всех видов гражданско-правовой ответственности лежат действия или события, которые могут совершаться и происходить в различных сферах жизнедеятельности государства, и по своей правовой природе они также отличаются разнородностью [10].

Исследование взаимосвязей института гражданско-правовой ответственности с частным и публичным правом позволяет обеспечить системное правовое регулирование общественных отношений, поскольку эти взаимосвязи способствуют реализации правовых норм разной отраслевой принадлежности. Исходя из вышеизложенного, институт гражданско-правовой ответственности является комплексным правовым институтом, и отнести гражданско-правовую ответственность исключительно к частноправовой не представляется возможным в силу следующих обстоятельств. Некоторые меры применяются не только в частных, но и в публичных интересах, например взыскание пени и штрафов за неисполнение, ненадлежащее исполнение или просрочку исполнения по государственным контрактам; часть санкций носит карательный характер, причина их распространения заложена в необходимости обеспечения стабильности гражданского оборота.

Пределы гражданско-правовой ответственности

Определение места и роли гражданско-правовой ответственности в системе юридической ответственности требует обратиться к вопросу пределов гражданско-правовой ответственности. В этой связи необходима выработка объективных критериев для определения отраслевой природы состава правонарушения, для соблюдения баланса между видами юридической ответственности, мерами государственного принуждения [16]. Подобная позиция высказывалась в юридической литературе относительно административной ответственности, тем не менее, по нашему мнению, указанное можно применить и к гражданско-правовой ответственности.

Особо остро это необходимо при дифференциации гражданско-правовой и уголовной ответственности, конкуренция норм которых влечет различные подходы к квалификации деяний. Например, в состоянии конкуренции находятся нормы ст. 179 УК РФ о принуждении к совершению сделки или к отказу от ее совершения, ст. 178 ГК РФ о недействительности сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств, и ст. 159 УК РФ о мошенничестве. Составы правонарушений описаны практически одинаково, но последствия существенно отличаются. Еще один пример – гражданско-правовая ответственность за неисполнение договорного обязательства и уголовная ответственность за преднамеренное неисполнение договорного обязательства в соответствии с ч. 5 ст. 159 УК РФ.

Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) в Постановлении № 48 от 30 ноября 2017 года дал разъяснения по вопросам применения частей с 5 по 7 ст. 159 УК РФ, указав совокупность условий, при которых имеет место состав преступления, предусмотренную указанной выше нормой.

Во-первых, способ совершения – путем обмана или злоупотребления доверием. Под обманом ВС РФ понимает введение в заблуждение собственника имущества

³ Представление Счетной палаты РФ от 30.05.2014 № ПР 02-176/02-05.

или иного лица, выражающееся в сознательном сообщении заведомо ложных сведений, в умолчании об истинных фактах, использовании обманных приемов при расчетах, имитации кассовых расчетов и т. д. Злоупотребление доверием высшая судебная инстанция определяет как использование в корыстных целях доверительных отношений с собственником имущества, принятие обязательств при заведомом отсутствии намерения их исполнить. В контексте гражданских дел ВС РФ определяет обман как намеренное умолчание об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота⁴.

Во-вторых, по мнению ВС РФ, преступление совершается с прямым умыслом, возникшим до получения права на имущество. Тем не менее, принимая решение о признании договора недействительным в рамках гражданского дела, суды указывают, что подписание договора лично свидетельствует о том, что лицо знает, что гарантированно не может исполнить обязательство, и что такие обстоятельства подтверждают наличие умысла сообщить недостоверную информацию об условиях сделки с целью ее заключения, что соответствует определению обмана применительно к положениям ст. 179 ГК РФ. В силу п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). В соответствии со ст. 179 ГК РФ сделка, совершенная под влиянием обмана, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего. Исходя из сказанного, гражданско-правовое нарушение тоже происходит умышленно.

В-третьих, квалифицирующими признаками преступления являются стороны договора, виновное лицо – индивидуальные предприниматели или коммерческие организации (что делает затруднительным применение рассматриваемых норм к деянию некоммерческих организаций и органов власти) и размер ущерба – 10 тысяч рублей и более. Хотя, на наш взгляд, указанные признаки вообще не позволяют отличить гражданско-правовое правонарушение от уголовного преступления.

Не имеет значение при квалификации деяния, по мнению ВС РФ, то, как виновный распорядился похищенным имуществом, и имущественное положение потерпевшего [17].

На наш взгляд, все признаки, которые с такой скрупулезностью описывает в своем постановлении ВС РФ, не могут отграничить уголовно наказуемое деяние от не уголовного. Ответ на вопрос, как разграничить преступление и правонарушение, дал в своем постановлении один из арбитражных апелляционных судов (хотя нам с ним сложно согласиться), сославшись на Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 года № 1-П, указав, что одним из правовых средств, предназначенных в уголовном судопроизводстве для защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, является гражданский иск

в уголовном деле о возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением. Такой иск вправе предъявить потерпевший по уголовному делу, который признается гражданским иском в данном уголовном деле, к лицам, которые в соответствии с ГК РФ несут ответственность за вред, причиненный преступлением, и признаются гражданскими ответчиками. Далее суд указал, что у потерпевшего есть выбор: предъявить соответствующий иск к лицу, обязанному возместить вред, причиненный преступлением, в порядке гражданского судопроизводства с учетом установленной законом подведомственности дел в суд общей юрисдикции или в арбитражный суд либо подать гражданский иск в рамках производства по уголовному делу. Удовлетворение гражданского иска по существу в приговоре – в части признания права за гражданским иском на возмещение ему гражданским ответчиком вреда, причиненного непосредственно преступлением, – означает установление судом общих условий наступления гражданской деликтной (внедоговорной) ответственности: наличие вреда, противоправность действий его причинителя, наличие причинной связи между вредом и противоправными действиями, вины причинителя, а также специальных ее условий, связанных с особенностями субъекта ответственности и характера его действий⁵. Так как стороны, предмет и основания иска в рамках гражданского или арбитражного судопроизводства и гражданского иска в уголовном деле тождественны между собой, суд прекратил производство по делу по мотиву п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ⁶, поскольку в рамках уголовного дела мошенничество доказано не было.

Англо-американская система при установлении пределов уголовного права основывается на *harm principle* (принципе причинения вреда), *offence principle* (принципе деяния), *legal paternalism* (принципе патернализма) [18].

Например, в основе *harm principle* (принципа причинения вреда) лежит утверждение о том, что действия отдельных лиц могут ограничиваться только с целью предотвращения вреда другим лицам. Д.С. Милль сформулировал этот принцип в своем труде «О свободе» [19]. Эквивалент этого принципа был ранее заявлен в Конституции Франции 1793 года. Свобода состоит в свободе делать все, что никому не вредит; следовательно, осуществление естественных прав каждого человека не имеет никаких ограничений, кроме тех, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Эти ограничения могут быть установлены только законом [20].

Но здесь встает вопрос, каким образом может быть совершено деяние, достаточное для ограничения свободы одного, чтобы гарантировать, что свобода другого никоим образом не нарушается? Ответ на этот вопрос дает *offence principle* (принцип деяния), суть которого сводится к тому, что ограничение свободы возможно за поведение, которое предполагается в качестве правонарушения, а не только за причинение вреда. Этот прин-

⁵ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2009 года № 1005-О-О и от 04 июля 2017 года № 1442-О.

⁶ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 13.03.2012 по делу № А11-7281/2011.

⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 за 2019 год.

тип является веской причиной в поддержку предлагаемого уголовного запрета, что он, вероятно, был бы эффективным способом предотвращения серьезного правонарушения для других лиц, помимо действующего лица, и что он, вероятно, является необходимым средством для достижения цели [21; 22].

Legal paternalism (принцип патернализма) предполагает вмешательство государства или индивида во внутренние дела общества или другого человека против его воли; его приверженцы считают, что человек, которому мешают, будет лучше обеспечен или защищен от вреда. Вопрос о патернализме возникает в отношении ограничений по закону, таких как антинаркотическое законодательство, обязательное использование ремней безопасности [23], а также медицинских масок в условиях коронавируса.

В российской судебной практике можно отметить некоторые противоречия. Так, в одном деле арбитражный суд указал на то, что в отсутствие вступившего в законную силу приговора суда имеющиеся в деле уголовно-процессуальные документы (постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о приостановлении предварительного следствия по уголовному делу, заключение специалиста, письмо СУ МУ МВД России «Одинцовское» от 13.05.2014 № 2472) не могут служить основанием для преюдициального установления факта мошенничества в рамках арбитражного процесса⁷.

В другом деле, наоборот, вышестоящая судебная инстанция, отменяя решение нижестоящего суда, указала на то, что судом не исследовались имеющиеся в материалах настоящего дела показания свидетелей во взаимосвязи с материалами уголовного дела, не давалась оценка обстоятельству подготовки документов о продаже доли в уставном капитале общества. Вывод об отсутствии причинной связи между заключением оспариваемой сделки и телесными повреждениями, нанесенными истцу, сделан апелляционной инстанцией со ссылкой лишь на незаконность следствия по уголовному делу без исследования в целях создания внутреннего убеждения всех имеющихся доказательств, их сопоставления и сравнения. ФАС Дальневосточного округа установил, что на стадии апелляционного рассмотрения дела прокуратурой г. Магадана возбуждено уголовное дело по признакам п. «а» ч. 2 ст. 179 УК РФ по факту избияния учредителя и единственного участника ООО «Злато» и принуждения его к подписанию документов на отчуждение 51 % доли уставного капитала общества. В связи с этим суд указал на необходимость приостановления производства по делу на основании ч. 2 ст. 143 АПК РФ⁸, т. е. в данном случае преюдиция все-таки есть.

Арбитражный суд Поволжского округа, наоборот, несмотря на то, что при рассмотрении спора суды первой и апелляционной инстанций, исследовав и оценив по правилам ст. 71 АПК РФ представленные в деле доказательства в их совокупности и взаимосвязи, устано-

вили, что принуждение к совершению сделки в силу ст. 179 УК РФ является уголовным преступлением и подлежит установлению в рамках уголовного судопроизводства, указал, что установленные приговором суда доказательства принуждения лица к заключению оспоренных сделок в материалах арбитражного дела отсутствуют⁹.

Из всего сказанного получается, что право выбора у потерпевшего: либо обратиться с заявлением о совершении уголовного преступления в отношении него в правоохранительные органы, либо с иском заявлением в судебные органы, но такая ситуация неприемлема с нашей точки зрения. Надлежащее обеспечение правопорядка и стабильности гражданского оборота за счет расширения пределов уголовной ответственности может повлечь отрицательные последствия. Считаем, что если существует возможность восстановления нарушенного права либо в результате добровольного исполнения обязательства, либо в порядке искового производства, то нормы уголовной ответственности применены быть не могут. Там, где у сторон имеется возможность самостоятельно, без участия государственных органов, разрешить возникшие конфликты, уголовная ответственность недопустима.

Расширение пределов уголовной ответственности может привести к ситуации, когда любое юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, не исполнив обязательства, переоценив свои возможности, потенциально становится мошенником. К примеру, организация А по договору обязана заплатить организации Б сумму за поставленный сложнотехнический товар, не подлежащий возврату. Организация А, рассчитывая получить большую прибыль и не считав своих возможностей, получила товара на 1 000 000 рублей. Организация А на рынке менее года, относится к СМП, арендует помещение, аренду платит с сумм прибыли. Отгруженный товар по объективным причинам остался не востребован в регионе деятельности организации А. Тем не менее товар нужно продать, за аренду нужно платить, тем более в условиях, например, эпидемий, платежи задерживаются. Организация Б в нашем случае подает заявление о мошенничестве, и организация А (вернее, лицо, выполняющее функцию единоличного исполнительного органа) – мошенник.

В связи с изложенным считаем, что квалифицирующим признаком должна стать и обстановка совершения правонарушения: если стороны действуют в условиях нормального хозяйственного риска, а ущерб является следствием не очень удачного экономического решения, то деяние не может быть квалифицировано в качестве преступления. Если стороны по договору связывают длительные обязательственные правоотношения, ведение переговоров, информационная открытость, отсутствие нарушений налогового и трудового законодательства (уплата налогов, выплата заработной платы сотрудникам), то вопрос об уголовной ответственности за неисполнение обязательства также не может стоять в качестве первостепенного. В противном

⁷ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16 марта 2015 года № Ф01-128/2015 по делу № А43-1053/201.

⁸ Постановление ФАС Дальневосточного округа от 09 сентября 2003 года № Ф03-А37/03-1/2115.

⁹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25 декабря 2017 года № Ф06-27113/2017 по делу № А65-9416/2017.

случае, принцип презумпции невиновности становится просто пустым звуком.

Конечно, соблазн написать заявление о мошенничестве у некоторых предпринимателей имеется, поскольку уголовная и гражданско-правовая ответственность имеют не только различную материально-правовую природу, но и отличающиеся по своему содержанию элементы процессуального регулирования: правила доказывания и различное процессуальное положение лица, обращающегося с заявлением. У следователя по уголовному делу больше процессуальных возможностей по сбору доказательств, чем у истца в арбитражном или гражданском судопроизводстве.

Генетические, координационные и субординационные связи межотраслевого института гражданско-правовой ответственности

Понимание гражданско-правовой ответственности в качестве правового института требует рассмотрения координационных, субординационных и генетических связей.

Основное проявление координационных связей между институтами юридической ответственности, включая гражданско-правовую ответственность, заключается в том, что каждый из них использует схожие правовые механизмы, одинаковые правила квалификации правонарушений. Одной из форм проявления координационных связей между гражданско-правовой и уголовной ответственностью выступает их взаимодействие по линии борьбы с рядом правонарушений. Выше мы указывали на одинаковую формулировку некоторых видов составов. В данном случае уголовно-правовое регулирование происходит с использованием категорий и институтов гражданского права (к последнему можно отнести использование такой категории, как неисполнение обязательства применительно к основанию уголовной ответственности).

Использование унифицированных составов, общих терминов и определений может расцениваться положительно, но при реализации ответственности за неисполнение обязательств, как ни странно, нарушается основной принцип российской юрисдикции: принцип экономии принудительных средств, поскольку потерпевшему предоставляется выбор: либо написать заявление в полицию, либо исковое заявление¹⁰. Если потерпевший выбирает первое, то в рамках уголовного производства в любом случае будет разрешаться и вопрос о причинении имущественного вреда и удовлетворении гражданского иска, и вопрос о привлечении виновного к уголовной ответственности.

Пример координационных связей уголовной ответственности с материальной ответственностью: работник привлекается к ограниченной материальной ответственности за ущерб, причиненный работодателю, а если есть приговор суда – то к полной, т. е. привлечение к уголовной ответственности увеличивает размер возмещения имущественного ущерба. При применении мер процессуальной ответственности тоже не наблюдается серьезных противоречий: судебный штраф налагается, если в действиях нет состава уголовного преступ-

ления, т. е. применяется мера либо одной ответственности, либо другой. В отношении координационных взаимосвязей гражданско-правовой ответственности с уголовной ответственностью все не так просто: «или – или» не устроит потерпевшего; что касается размера причиненного ущерба, то среди общих условий наступления гражданской ответственности: наличие вреда, противоправность действий его причинителя, наличие причинной связи между вредом и противоправными действиями, вина причинителя, а также специальные ее условия, связанные с особенностями субъекта ответственности и характера его действий. Другими словами, размер ущерба не изменяется в зависимости от того, было совершено преступление или гражданско-правовой деликт. И потом, если не будет доказано наличие в действиях виновного состава преступления, то у потерпевшего не будет возможности обратиться и с гражданским иском. Выше было приведено судебное постановление, в котором суд прекратил производство по делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, поскольку стороны, предмет и основания иска в рамках гражданского или арбитражного судопроизводства и гражданского иска в уголовном деле тождественны между собой, а состав преступления не доказан.

Что касается генетических взаимосвязей, то здесь можно отметить, что именно в рамках гражданских правоотношений возникают предпосылки для ряда уголовных правоотношений, и это генетическое влияние гражданского права на публичные отрасли создает систему межотраслевых связей с внутренним единством и конфликтным потенциалом [24].

Связи субординации института гражданско-правовой ответственности проявляются в наличии иерархии как между мерами гражданско-правовой ответственности внутри одного нормативного правового акта, так и между мерами ответственности, закрепленными в нормах других институтов, а также мерами ответственности и мерами защиты. Связи субординации между институтом гражданско-правовой ответственности и иными институтами ответственности проявляются на уровне оснований применения санкций, а также в ряде других вопросов: при определении соотношения злоупотребления правом с принципами презумпции невиновности и презумпции добросовестности, соотношения каузы сделки и экономического результата, полученного сторонами.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

1. Институт гражданско-правовой ответственности является комплексным правовым институтом. Отнести гражданско-правовую ответственность исключительно к частноправовой не представляется возможным. Во-первых, некоторые меры применяются не только в частных, но и в публичных интересах, во-вторых, часть санкций носит карательный характер, причина их распространения заложена в необходимости обеспечения стабильности гражданского оборота.

2. Основным объективным критерием для определения отраслевой природы состава правонарушения и отграничения уголовно наказуемого поведения от не уголовно наказуемого является обстановка его совершения.

¹⁰ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 13 марта 2012 года по делу № А11-7281/2011.

3. Институт гражданско-правовой ответственности имеет сложные координационные связи с иными отраслями права, выражающиеся в использовании унифицированных составов правонарушений, использовании общих терминов и понятий, но при реализации ответственности за неисполнение обязательств нарушается основной принцип российской юрисдикции – принцип экономии принудительных средств.

4. Субординационные связи института гражданско-правовой ответственности проявляются в наличии иерархии как между мерами гражданско-правовой ответственности внутри одного нормативного правового акта, так и между мерами ответственности, закрепленными в нормах других институтов, а также мерами ответственности и мерами защиты. Генетические связи проявляются в том, что именно в рамках гражданских правоотношений возникают предпосылки для ряда уголовных правоотношений.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ветрова А.А. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // *Философия права*. 2013. № 3. С. 22–24.
2. Райдла Ю.Э. Вопросы гражданско-правовой ответственности // *Юридическая ответственность: проблемы и перспективы: труды по правоведению*. Тарту: ТартГУ, 1989. С. 52–62.
3. Крашенинников Е.А. Понятие гражданско-правовой ответственности // *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 2012. № 5. С. 6–11.
4. Кабанова И.Е. К вопросу об отраслевой принадлежности норм о гражданско-правовой ответственности органов публичной власти и их должностных лиц // *Гражданское право*. 2014. № 2. С. 12–17.
5. Башлаков-Николаев И.В. Ответственность органов власти и их должностных лиц в сфере защиты конкуренции. М.: Статут, 2014. 111 с.
6. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. Красноярск: Красноярский ун-т, 1985. 120 с.
7. Чуклова Е.В. Место института процессуальной ответственности в системе права // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2019. № 3. С. 6–15.
8. Цюрина Н.В. Юридическая ответственность как институт права // *Сибирский юридический вестник*. 2013. № 1. С. 29–34.
9. Липинский Д.А., Чуклова Е.В. Процессуальная ответственность как институт права // *Вестник гражданского процесса*. 2016. № 4. С. 33–51.
10. Мозолин В.П. Гражданско-правовая ответственность в системе российского права // *Журнал российского права*. 2012. № 1. С. 33–40.
11. Маскаева И.И. Проблемы возмещения вреда, причиненного действиями (бездействием) или решениями государственных органов и их должностных лиц в рамках административного процесса // *Вест-*

12. Федорова Е.В. Место норм, регулирующих ответственность за вред, причиненный актами судебной власти, вынесенными при осуществлении правосудия, в системе российского права // *Российский юридический журнал*. 2013. № 1. С. 145–153.
13. Липинский Д.А. Макроуровень института юридической ответственности // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. № 1. С. 25–44.
14. Машанов Д.А. Цели административно-правового регулирования участия государства в договорных отношениях // *Административное право и процесс*. 2017. № 4. С. 80–84.
15. Маштаков И.В. Проблемы теории правонарушения. Самара: Самар. гуманит. акад., 2005. 160 с.
16. Зырянов С.М. Административная ответственность в системе публично-правовой ответственности // *Журнал российского права*. 2014. № 1. С. 15–22.
17. Маликова Н. ВС РФ о мошенничестве и растрате // *ЭЖ-Юрист*. 2017. № 49. С. 3–5.
18. Погосова З.М. Соотношение уголовного и гражданского права в доктрине США: институт punitive sanctions // *Закон*. 2013. № 8. С. 79–88.
19. Mill J.S. *Collected Works of John Stuart Mill*. Vol. 33. Toronto: University of Toronto Press, 1963–1991. 321 p.
20. Wertheimer A. Liberty, coercion and the limits in the state // *The Blackwell Guide to social and political philosophy*. Oxford: Blackwell, 2002. P. 49–52.
21. Van Mill D. Freedom of Speech // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2018. URL: plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/freedom-speech/.
22. Stanton-Ife J. The Limits of Law // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2016. URL: plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/law-limits/.
23. Dworkin G. Paternalism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2020. URL: plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/paternalism/.
24. Рябов А.А. Влияние гражданского права на налоговые отношения (доктрина, толкование, практика). М.: НОРМА, 2014. 224 с.

REFERENCES

1. Vetrova A.A. The concept and essence of civil liability. *Filosofiya prava*, 2013, no. 3, pp. 22–24.
2. Raydla Yu.E. The issues of civil legal liability. *Yuridicheskaya otvetstvennost: problem i perspektivy: trudy po pravovedeniyu*. Tartu, TartGU Publ., 1989, pp. 52–62.
3. Krasheninnikov E.A. The concept of civil liability. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, 2012, no. 5, pp. 6–11.
4. Kabanova I.E. On the issue of the place of legal regulations on civil liability of the public entities and their officials in the Russian law system. *Grazhdanskoe pravo*, 2014, no. 2, pp. 12–17.
5. Bashlakov-Nikolaev I.V. *Otvettstvennost organov vlasti i ikh dolzhnostnykh lits v sfere zashchity konkurentsii* [Responsibility of governing institutions and their pub-

- lic officials in the sphere of competition protection]. Moscow, Statut Publ., 2014. 111 p.
6. Bazylev B.T. *Yuridicheskaya otvetstvennost* [Legal liability]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy un-t Publ., 1985. 120 p.
 7. Chuklova E.V. Place of the institution of procedural responsibility in the legal system. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2019, no. 3, pp. 6–15.
 8. Tsyurina N.V. A legal responsibility as an institute of law. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*, 2013, no. 1, pp. 29–34.
 9. Lipinskiy D.A., Chuklova E.V. Procedural responsibility as an institution of law. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa*, 2016, no. 4, pp. 33–51.
 10. Mozolin V.P. Civil legal liability in the system of Russian law. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2012, no. 1, pp. 33–40.
 11. Maskaeva I.I. Indemnification problems, caused by actions (inaction) or decisions of government bodies and their public officials within administrative process. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2016, no. 4, pp. 123–147.
 12. Fedorova E.V. The place of rules on responsibility for damage caused by acts of the judiciary in the administration of justice in the Russian law system. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2013, no. 1, pp. 145–153.
 13. Lipinskiy D.A. Macro level of the institution of legal responsibility. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2019, no. 1, pp. 25–44.
 14. Mashanov D.A. Objectives of administrative and legal regulation of state participation in contractual relations. *Administrativnoe pravo i protsess*, 2017, no. 4, pp. 80–84.
 15. Mashtakov I.V. *Problemy teorii pravonarusheniya* [The problems of theory of legal offence]. Samara, Samar. gumanit. akad. Publ., 2005. 160 p.
 16. Zyryanov S.M. Administrative liability in the system of public private responsibility. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2014, no. 1, pp. 15–22.
 17. Malikova N. SC of the RF about the fraud and misapplication. *EZh-Yurist*, 2017, no. 49, pp. 3–5.
 18. Pogosova Z.M. The interrelation of criminal and civil law in the USA doctrine: punitive sanctions institute. *Zakon*, 2013, no. 8, pp. 79–88.
 19. Mill J.S. *Collected Works of John Stuart Mill*. Toronto, University of Toronto Press Publ., 1963–1991. Vol. 33, 321 p.
 20. Wertheimer A. Liberty, coercion and the limits in the state. *The Blackwell Guide to social and political philosophy*. Oxford, Blackwell Publ., 2002, pp. 49–52.
 21. Van Mill D. Freedom of Speech. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2018.
URL: plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/freedom-speech/.
 22. Stanton-Ife J. The Limits of Law. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2016.
URL: plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/law-limits/.
 23. Dworkin G. Paternalism. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2020.
URL: plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/paternalism/.
 24. Ryabov A.A. *Vliyanie grazhdanskogo prava na nalogovye otnosheniya (doktrina, tolkovanie, praktika)* [The influence of civil law on fiscal relations (doctrine, interpretation, practice)]. Moscow, NORMA Publ., 2014. 224 p.

CIVIL LIABILITY INSTITUTE IN THE SYSTEM OF LAW AND THE SYSTEM OF LEGAL RESPONSIBILITY

© 2020

E.V. Chuklova, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Business and Labor Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: legal responsibility; civil liability; coordination relations; genetic relations; subordination relations; criminal responsibility; legal system.

Abstract: Disputes on the definition of the legal nature of civil liability, its place in the legal system and the system of legal responsibility, have been conducted in domestic law for a long time, but they are still acute. The prevailing position regarding the place of civil liability in the system of law is to classify this institution as private law. The paper studies the relations between the norms of civil liability institutions and the criminal law norms that are aimed at protecting civil law relations and shows their interaction with classical civil liability. The study reveals the coordination, subordination, and genetic links of the civil liability institute with other elements of the legal system. The definition of genetic links is based on the process of formation and separation of branches of law. The author studies the geometrical regularity characterizing coordination links and notes the existence of subordination links. Within the frames of the study, the author proves that the institute of civil liability cannot be exactly classified as an institute of private law. The analysis of judicial practice showed as well the impossibility to classify the civil liability institution as a civil institution. As a result of the study, the author concludes that civil liability institute has complex coordination links with other branches of law expressed in the use of general terms, concepts, and categories. Subordination relationships are manifested in the existence of a hierarchy both between civil liability measures within one normative legal act and liability measures established in the norms of other liability institutions. Genetic relationships reveal the common origin of structural entities included in the civil liability institution.